

ЛУЧШИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СТРАНЫ

ЖЕНЩИНЫ

ВОСТОК - ЗАПАД

№ 12 2007 (79)

О женской
дружбе

Чудачка
Кейт
Бланшетт

*Пусть сказка
в дом придет!*

Владимир
Спиваков:

*Но, видит Бог,
есть музыка
над нами...*

Татьяна Мустафина:
6-е чувство гламура

9 771817 987006

текст: Илья Синельников
фото: архив филармонии

А музыка звучит

Гимн классической музыке в течение последних 20 лет достойно исполнял Государственный симфонический оркестр Республики Казахстан под управлением его художественного руководителя и главного дирижера, народного артиста РК, лауреата Государственной премии РК Топебергенов Абдрашева.

На открытие 73-го сезона, волею судьбы ставшего финальным для маэстро, он выбрал трагическую Пятую симфонию Дм. Шостаковича. Она была написана в 1937 году, когда вся страна, как сказал Олжас Сулейменов, «прошла испытание Казахстаном» – испытание системой жутких сталинских лагерей. Память об этом всенародном горе, особенно острая в год 70-летия зенита репрессий, витала над оркестрантами и залом. В финале симфонии у меня непроизвольно выступили слезы скорби по неисчислимым жертвам тоталитарного режима. Маэстро поднял понурые руки и воздел их над оркестром. Все музыканты встали и склонили головы.

В марте 2007 г. филармония по инициативе Абдрашева провела Фестиваль музыки великого русского композитора Сергея Рахманинова.

В одном из концертов прозвучали «Симфонические танцы» Рахманинова. Он сочинил их, используя несколько музыкальных

тем из сборника «1000 песен казахского народа». Его издал в Москве в 1925 году выдающийся собиратель казахского музыкального фольклора Александр Затаевич и послал один экземпляр Рахманинову.

Оркестр под управлением маэстро восхитил зал исполнением, продемонстрировав высокий уровень ансамблевой культуры и виртуозность.

– Маэстро умел не просто создать ансамбль, но извлечь из любого оркестранта его самые лучшие качества, – сказал в интервью журналу Ерболат Ахмедьяров, ассистент главного дирижера оркестра, лауреат первой премии I-го Республиканского конкурса дирижеров им. Н. Тлендиева (2005). Выпускник Республиканской школы им. К. Байсеитовой (класс ф-но), он закончил в нашей консерватории отделение оперно-симфонического дирижирования, основанное Абдрашевым, где занимался в его классе.

– Ербулат, как Абдрашев извлекал «драгоценный металл» таланта из «породы»?

– В какой-то момент репетиции маэстро мог ее приостановить и тут же начать работать с музыкантом – что-то ему объяснить вербально или жестикуляцией. Причем всегда очень корректно, без публичной оценки или характеристики исполнителя. Вообще же он был лаконичен

Концертные программы Казахской государственной филармонии и Жамбыла – как строфы гимна славы музыки. Французский классик Ромен Роллан говорил: «Музыка подобно дождю, капля за каплей просачивается в сердце и оживляет его». А немецкий поэт Бертольд Ауэрбах назвал ее единственным всемирным языком, который не нуждается в переводе. «На этом языке душа говорит с душой».

в репликах, если суть требовалась быть выражена жестом. Инстинктивно стразу понимал, как должна звучать эта часть его партии, чтобы соответствовать общему дирижерскому замыслу. Это были наглядные уроки оркестрантов.

Вообще для дирижера крайне важна «тановка рук». Топебергенов Абдрашев прошел эту школу у выдающегося казахского маэстро Геннадия Рождественского. И всегда нам говорил: у дирижера не пластически работать все – и предплечье, и плечо.

Дополнительный эмоциональный эффект музыканты получают и от дирижерских мимики. От нее идет и волевое воздействие на оркестр. Оно проявляется в поднятии брови, многомозговом движении. Иногда маэстро откладывал дирижерскую палочку и, подобно скульптору, словно бы лепил крупными жестами значимую часть симфонии.

– Учитывал ли маэстро «акцент» в работе с прекрасной симфонией оркестра?

– Он никогда не допускал снисходительности в общении, строгой градации: это – женщина, это – мужчина. Мог с кем-то иногда пошутить в пределах деликатности.

– Вводил ли maestro музыкантов перед началом репетиций нового произведения в его атмосферу, тему, смысл, время и историю создания?

– Конечно. И главное – стремился к тому, чтобы каждому музыканту была понятна концепция его интерпретации. И примечательно, что если через какое-то время maestro возвращался к тому или иному произведению, то мы все видели его более углубленное проникновение в замысел автора. С каждым разом он восходил на новую вершину мастерства.

– Нет ли такой угрозы, что с уходом главы слаженного коллектива он начнет расшатываться? Можно представить ту ответственность за сохранение статус-кво оркестра, которая возлагается на будущего лидера.

– Люди смертны, оркестр же – «всегда живой» организм. При любых переменах и сменах поколений. Личностный ключ maestro – ярко индивидуален. Но, как это обычно бывает, новый «ключ», входя в «старый замок», закономерно и неминуемо что-то в нем меняет. Только бы вообще не сломал, как это произошло с «Отрар сазы» после кончины Тлендиева.

Толепберген Абдрашев – Maestro – следил за ростом талантливых музыкантов с их малых лет. После того, как в 1986 г. в Тбилиси его попросили выступить с детьми из Центральной музыкальной школы Грузии, он ввел эту практику и у нас. Учащиеся алматинских музыкальных школ регулярно выступают с концертами вместе с главным оркестром страны.

На одном из концертов меломаны познакомились с сочинениями классика современной украинской музыки Мирослава

Скорика в исполнении нашего оркестра, который в тот вечер выступал под управлением приглашенного Абдрашевым главного дирижера Львовского симфонического оркестра Айдары Торебаева. Он окончил в свое время Казахскую консерваторию им. Курмангазы, а потом дирижерское отделение Киевской консерватории.

По окончании исполнения я спросил Абдрашева:

– Вам не показалось, что первая часть концерта («Молитва») звучала чуть ли не атеистически? Если оркестр олицетворяет образ Бога, а рояль – человеческую душу, то, как мне кажется, так не вызывающее, а «вызывающее» нельзя с Богом разговаривать?

– Да, здесь слышен явный диалог, – ответил maestro. – Но с Богом он или нет – вопрос. Меня растрогала мелодичная вторая часть («Грезы»). Самобытный концерт! Сейчас мало кто так пишет. И солистка очень хороша.

– Я воспринял финал концерта так: жизнь продолжается тихими воспоминаниями о минувшем.

Во втором отделении впервые в Азии прозвучали 12 из 24 капризов Никколо Паганини в оркестровке Скорика.

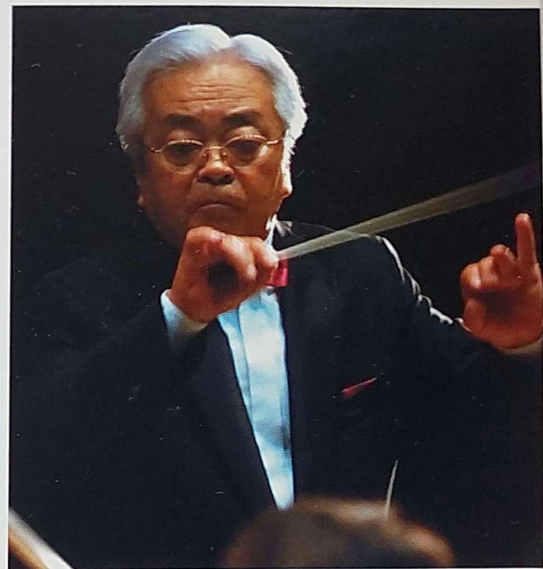
Наш оркестр сыграл их с покоряющей виртуозностью.

– Прекрасно, что оркестр за короткий срок овладел этим сложным циклом! – воскликнул Касеинов.

Я вновь подошел к Абдрашеву:

– Maestro, ваше «чувство собственности» сегодня не пострадало?

– Напротив, – улыбнулся «хозяин оркестра». – Такие встречи нас обогащают.

Айдар оставляет нам ноты. И теперь «каприсы Паганини-Скорика» будут нашим достоянием. Касеинов попросил Абдрашева запланировать со своим оркестром премьеру в Алматы всех 24 капризов на финал фестиваля «Мои друзья – мое богатство». И добавил: «Мы с радостью их послушаем!»

Они пожали друг другу руки.

Жаль, что сбыться этой договоренности уже не суждено.

Небеса для каждого из нас пишут свой сценарий жизни. И эти незримые предначертания порой проступают в наших земных деяниях. В программу филармонического концерта, посвященного 250-летию со дня рождения Моцарта, Абдрашев включил его «Реквием». В своей трактовке этого величественного вокально-оркестрового полотна великого австрийца дирижер подчеркнул, как было сказано в одной из рецензий, его «огромную философскую значимость и драматическую правду для всех и всегда».

20 лет Толепберген Абдрашев стоял на «капитанском мостике» своего оркестра. В последние годы он также возглавлял Академический оркестр казахских народных инструментов им. Курмангазы. А незадолго перед кончиной взял под личную творческую опеку и переживающий не лучшие времена Академический фольклорно-этнографический оркестр «Отрар сазы» им. Н. Тлендиева.

Это не «три короны» для одной головы. Это три тяжелых ноши для одного сердца. Честного и самоотверженного сердца... Усталого сердца...

В одном из интервью maestro сказал: «Для меня самый лучший отдых – тишина...»

